

В. Л. Пянкевич

Свет и темнота в блокадном Ленинграде

Свет на улицах и в домах довоенного Ленинграда был знаком нормальности, гармонии мирной жизни. Но во время войны и блокады на улицах города не было привычного наружного освещения. Темно было и в жилых домах города в первый год осады, а во многих жилищах и позднее. Между тем свет жизненно важен для физического и морально-психологического состояния человека. Этой темы касались П. Ю. Барскова и С. В. Яров, Е. О. Мельникова¹.

После начала войны Ленинград должен был стать незаметным. Надо было скрыть от наблюдения его здания и сооружения, улицы и площади. Немцы не должны были видеть заводы, центры управления, корабли, мосты и многое другое. Для врага город должен был исчезнуть. Прежде столь привычный, желанный и необходимый искусственный свет теперь был опасен и грозил гибелью. Самой очевидной, относительно легко исполнимой мерой была светомаскировка. В соответствии с приказом начальника местной противовоздушной обороны Ленинграда Е. С. Лагуткина, с 27 июня 1941 г. с наступлением темноты внутреннее освещение всех помещений должно было быть замаскировано, а все наружное освещение — выключено². Это означало, что более 30 тыс. уличных светильников погасли. Исчез свет городского транспорта, автомобили двигались с потушенными фарами. Электричество в домах ленинградцев еще было, но окна не должны были быть освещены, их затемняли всем чем могли: шторами, одеялами, брезентом, обоями, платками, пальто, простынями и т. д. У ленинградцев уже был опыт жизни в условиях светомаскировки во время недавней советско-финской войны, когда Ленинград первым из советских городов испытал военное затемнение. Но летом 1941 г. светомаскировка стала знаком приближавшейся к городу войны.

Обычно хорошо освещенный вечером и ночью Ленинград летом 1941 г., особенно когда прошла пора белых ночей, погрузился во тьму. Была создана система маскировочного освещения с применением синих или специальных ламп белого света. «Трамваи, в которых светятся синие лампочки, ползут по улицам, как видения подводного царства. Пассажиры с синими лицами похожи на утопленников. Автомобили имеют только два рыбьих глаза, тускло освещающих асфальт перед колесами. <...> Во время воздушных тревог даже курить на улице воспрещается» (20 августа 1941 г.)³.

В квартирах, на лестничных площадках вместо обычных появились мерклые синие лампочки, тление которых угнетало и казалось крайне неприятным. Синий «замогильный» свет первых месяцев войны остался в памяти, усиливая впечатление нависшей опасности. Графитным карандашом на рисунках А. Э. Блэка воссоздан совершенно непривычный вид вечернего и ночного Ленинграда кануна блокады — черно-серый пейзаж улицы с еле угадывающимися громадами домов, такой же черно-серой мостовой и чуть более светлым свинцовым небом. Гигантские тени на стенах домов контрастируют с разрезающими хмурое небо лучами зенитных прожекторов⁴.

В сентябре и октябре 1941 г. из-за отсутствия освещения на улице и света из плотно занавешенных окон домов «жизнь в городе кончалась рано, как только его окутывала темнота»⁵, становилось настолько темно, что «ноги сломишь и глаз выколешь»⁶. «Нигде ни огонька, и только зарево боев там, где Нева сливается с горизонтом»⁷.

Немцы противопоставляли усилиям ленинградцев свои средства, «перед бомбежкой спуская на маленьких парашютиках светильники, чтобы точнее попасть в цель. Своим мертвенно-бледным свечением они поначалу навели ужас»⁸. Слепящий и безжалостный свет немецкой ракеты на рисунке А. Э. Блэка заливает крыши, дома, фонарь, отбрасывающие длинные черные тени на мостовую⁹.

Был еще один источник губительного света, который, увы, нельзя было ни выключить, ни замаскировать. Безоблачными вечерами и ночами из-за затемнения и отсутствия наружного освещения в городе хорошо стали видны звезды и луна. Однако это не радовало, а напротив, было знаком смертельной угрозы, ведь именно в ясные лунные вечера и ночи немцы бомбили город, который «был виден как на ладони». На беду, осень 1941 г. была теплая и сухая, а сентябрь «подыгрывал» врагу. «Луна огромным шаром висела над городом, было очень светло, и этот свет был страшен»¹⁰. Ленинградцы мечтали о плохой погоде, которая могла помешать врагу, «молили о дожде, о слякоти, о грязи»¹¹. Распространенное среди горожан чувство передает рисунок архитектора Я. О. Рубанчика «Как я ненавижу луну...», где автор изобразил себя стоящим во дворе своего дома и вглядывающимся в рассеянное лучами зенитных прожекторов небо и луну, заливающую город своим безжалостным светом¹². Ленинградцы продолжали страшиться лунных и белых ночей, «неизменно приносивших

бомбардировку», до октября 1943 г., когда бомбежки города окончательно прекратились. Но сенсорный опыт продолжал преследовать и после войны: яркая луна вызывала чувство тревоги, а лунные ночи — ненависть.

Свет был опасен, внушал страх. Однако именно его нехватку ленинградцы ощущали в течение всей осады, особенно остро — с осени 1941 г. «Самым страшным оставался абсолютно темный, без единого огня, Ленинград. Ощущение мертвого города было невыносимо»¹³. Огромной проблемой стало передвижение по городу в непроницаемой темноте. Помочь ориентироваться должны были специальные знаки, которые появлялись на улицах перед наступлением самого темного времени года. Работники треста «Ленсвет» покрывали светоотражающим составом или белой краской бордюры, как это видно на фотографии М. А. Мицкевича, сделанной 15 октября 1941 г.¹⁴ Почти через год, 2 сентября 1942 г. архитектор Я. О. Рубанчик создал два рисунка, на первом из которых изображены три женщины, видимо, бойцы местной противовоздушной обороны, наносящие светоотражающий состав или белую краску на бордюр и опоры фонарей¹⁵. На втором в ночной темноте отчетливо виден пунктир шмуцлиний на бордюре, а также надпись чернилами: «В густой темноте ночи они хорошие направляющие для водителя машины»¹⁶. В сентябре 1942 г. побелили все, обо что мог спотыкаться прохожий, бредущий в темноте по разбомбленным улицам, — углы домов, нагромождения на панелях, фонари¹⁷. По свидетельствам блокадников, это помогало не сбиться с дороги, не наткнуться на препятствия.

Зима 1941 г. была ранней, снег выпал в середине октября. «Мрачные контуры домов с окнами, заколоченными фанерой и досками, быстро погружались в темную снежную пелену зимних сумерек. <...> Пустынные улицы и площади города совсем замирают в жутком мраке. Силуэты домов, как черные гробы, стоят занесенные снегом. Нигде ни искорки света, даже синие фары грузовиков не светят, залепленные снегом»¹⁸. В других блокадных дневниках аналогичные картины: «мрачно, холодно, темно»¹⁹, «абсолютная темнота»²⁰, «кругом темнота, хоть глаз выколи»²¹, «и ни одного огонька на всем божьем свете»²². Реакция на исчезновение света могла быть очень эмоциональной: «Я знаю точно, я абсолютно уверена, что во время блокады не было дня. А была только одна сплошная ночь!!! Разумеется, я, как человек образованный и разумный, понимаю, что такого быть не может. Но...»²³ Свидетельства ленинградцев согласуются с визуальными образами осажденного города. В графических работах серии «Ленинград в дни Великой Отечественной войны» С. Б. Юдовина, цикла ксилографий «Осажденный город» П. А. Шиллинговского — неизменная ночь²⁴. Контрастная черно-белая блокада в графических работах В. С. Новикова²⁵, А. Л. Ротача²⁶, А. Н. Харшака²⁷, М. А. Шепиловского²⁸, серии литографий А. Ф. Пахомова²⁹, рисунках архитекторов А. С. Никольского³⁰, Я. О. Рубанчика³¹ и других художников-блокадников.

Знаком отсутствия электроэнергии, прерванного ритма городской жизни, на пустынных, занесенных снегом улицах, стояли разрушенные, вмерзшие

в сугробы трамваи и троллейбусы. Приметной подробностью пейзажа ленинградской осады были покосившиеся, поваленные фонарные столбы, изогнутые опоры контактной сети городского электрического транспорта, разбитые светильники, паутина оборванных, клубками спутанных и безжизненно свисающих до мостовой воздушных проводов. На рисунке архитектора Я. О. Рубанчика, созданном в ноябре 1941 г., изображены лежащие на Садовой у Апраксина двора убитые и раненые, куски сорванной крыши, ветви деревьев и провода контактной сети³². Печально иронизируя, Рубанчик сравнил оборванные провода осветительной конструкции с разорванными струнами: «Арфа сломана, аккорд еще рыдает...»³³ Рядом с порванными и повисшими электрическими проводами художники изображали лежащих на омытом дождем асфальте, укрытых снегом мертвых³⁴.

Контраст между видом города, прежде каждый вечер освещенного десятками тысяч огней, а теперь погруженного во тьму, был ошеломляющим, производящим тяжелое, угнетающее впечатление. Зимой 1941–1942 гг. темнота была столь кромешной, что передвигаться по городу приходилось только на ощупь, боясь заблудиться на хорошо знакомых улицах, а иногда и вовсе потерять ориентиры. Лишь когда глаза немного привыкали к темноте, пройдя несколько десятков метров, человек начинал различать путь, хотя чаще всего шел по одному и тому же маршруту, рискуя натолкнуться на неожиданное и одновременно привычное препятствие. Так, О. Ф. Берггольц «на ощупь пробираясь по тропке между сугробами, вдруг возле Филармонии споткнулась обо что-то и упала на полузанесенного снегом мертвеца»³⁵. Порой человек долго не мог найти вход в свой дом, отыскать квартиру, где он жил, в полной темноте парадной, на лестнице спотыкаясь о мертвых.

Темнота усугубляла и без того тяжелое чувство сиротства, особенно тех, чьих близких не было рядом или они погибли. Блокаднику так хотелось ощутить присутствие другого человека. «Кругом ни души! Улицы пустынные, малолюдные даже и днем-то, а теперь точно вымерли. И вдруг из-за угла навстречу мелькнул огонек. Закачался крошечный фонарик в руках прохожего. ...Тороплюсь воспользоваться им, взглянуть кругом. С каждой минутой огонек удаляется. Вот он совсем пропал, затерялся во тьме. Еще темнее кажется кругом, еще острее чувство одиночества, заброшенности»³⁶. Человека тянуло к свету, к людям. Таким прибежищем, пока двигались, были трамваи. «Там был свет, пусть синий, но свет, были люди, успевшие надышать немного тепла»³⁷. Те, у кого были силы и возможности, стремились попасть в театр, на концерт, где было не столько тепло, сколько светло.

Сложно сказать, как по совершенно темному городу пусть редко, но передвигались автомашины с узкими для маскировки щелями на фарах. Очевидно, водителям помогал светосостав или белая краска, нанесенные на бордюр и основы фонарей. Но ходить по городу в темное время было небезопасно. Из-за «непроглядной тьмы пешеходы сталкиваются друг с другом, налетают на за-

боры, шлепают по грязи. В одной луже потерял галошу, с трудом нашел»³⁸. Однако потеря галоши могла быть меньшим злом: «Мама поскользнулась и уронила хлеб. Помню, как мы ползали на коленях, ощупывая в темноте руками лед и снег в поисках хлеба, и все-таки нашли его»³⁹. В темноте человек рисковал получить травму, как об этом свидетельствует 25 января 1942 г. хирург Н. Н. Самарин, к которому в больницу явился преподаватель Политехнического института, «разбивший себе об дверь в темноте переносье, что привело к перелому носовых костей. Таких больных у нас много»⁴⁰.

Для предупреждения угрозы столкновений в темноте у ленинградцев появились (впервые еще во время советско-финской войны) специальные, обработанные светоизлучающим составом значки. Их горожане покупали и изготавливали сами. В магазинах продавалась специальная светящаяся в темноте краска, и сами значки по невысокой цене (1 руб.). Днем их надо было выкладывать на свет для того, чтобы они ярче светились, или хотя бы «заряжать» от горящей спички (если она была) перед выходом на улицу. В уличной тьме сначала был замечен мерцавший слабым зеленым или желтым светом, размером побольше пятака, фосфорный значок, а затем угадывался сам человек. Так блокадники подавали друг другу световые сигналы. Такие светлячки носили многие, но не все, что рождало странное, неправдоподобное впечатление: «Мир кажется населенным невидимками: кто-то движется, вяло шагает, разговаривает, бормочет, а людей — нет?.. И вдруг мимо, вплотную, на уровне груди, проплывает крошечный таинственный белесоватый кружок — он плывет во тьме как будто сам по себе... И обозначенного им человека угадываешь только по хриповатому, затрудненному дыханию»⁴¹. То, что стало привычной деталью вечернего и ночного пейзажа блокады, изображено на рисунке А. Э. Блэка: в полной темноте на тротуаре и мостовой еле различимы пешеходы со светящимися значками и трамвай, свет от которого падает на рельсы⁴². Первой блокадной зимой горожане медленно передвигались не по заваленным снегом скользким тротуарам, а по тропинкам на проезжей части. «Навстречу тебе движутся эти колеблющиеся неяркие кружочки, и только поскрипывание снега под ногами напоминает о присутствии людей»⁴³. «Света от жетонов ровно столько, чтобы людям не наткаться друг на друга, — понять, что рядом другая, еще не умершая душа»⁴⁴. Появление светящейся, слегка покачивающейся точки свидетельствовало о присутствии другого человека, утешало и ободряло: «Как же было радостно видеть в темноте такого светлячка!»⁴⁵ «Значит, ты не один в этом мраке и безмолвии. ...А когда прохожий проходил мимо, ты снова окунался в темноту улицы и снова стискивало одиночество»⁴⁶.

17 ноября 1941 г. в домах ленинградцев не стало электричества. Оно подавалось только в здания органов управления, военных, НКВД, МПВО, пожарной охраны, некоторых медицинских учреждений. В редких случаях в жилых домах, расположенных по соседству с этими учреждениями, электричество сохранялось еще некоторое время. Электроэнергией были обеспечены только часть

хлебозаводов, минимально городской водопровод и частично телефон и телеграф⁴⁷. Из-за недостатка электроэнергии один за другим останавливались оборонные заводы⁴⁸.

Тьма в домах Ленинграда была связана не только с отсутствием электрического освещения. Улицы города были засыпаны хрустевшим под ногами стеклом. Огромное количество окон предприятий, общественных зданий и жилых домов, особенно на фасадах, выходивших на улицу, а не во дворы-колодцы, «ослепли» — были выбиты. Порой в окнах дома не оставалось ни одного целого стекла, заменять которые было бессмысленно. Повезло тем, окна чьих комнат не были выбиты взрывной волной — у них был дневной свет. Света не было в большинстве учреждений, организаций, промышленных предприятий, госпиталей. Заделывание окон в последних фанерой и картоном приводило не только к затемнению палат, но и резкому падению температуры, нередко «к гангрене, отморожению конечностей в гипсовых повязках, гибели прооперированных пациентов»⁴⁹.

Ленинградцы должны были самостоятельно решать проблему освещения не только дома, но и в большинстве организаций и учреждений, где работа обычно велась только при дневном свете, если он проникал в помещение. Или надо было находить иные средства освещения. Например, сотрудники Военного трибунала Ленинграда были вынуждены обменивать свой хлеб на керосин для освещения служебных кабинетов⁵⁰. Из-за отсутствия освещения время работы многих магазинов и аптек было сокращено. «Банки работают только три дня в неделю и везде такое же сокращение времени работы из-за темноты и холода»⁵¹.

В магазинах, а также в аптеках и сберкассах было темно. В последних «обслуживали только тех клиентов, кто приходил со своим источником света. Иначе во мраке нельзя было ни требования написать, ни фамилии подписать»⁵². Окна и витрины булочных были забиты досками и даже днем продавцы торговали при коптилках, тусклых лампадках, в лучшем случае при керосиновых лампах. В полутьме магазина на картине Г. П. Фитингофа единственной свечой освещены лишь первые в очереди у прилавка с вождленным хлебом, весами и фигурой продавца⁵³. «Заходили в магазины — в полный мрак. Руками ощупывали последнего в очереди или шли на голос. Называли свою фамилию, чтобы обозначить место в очереди. При вонючей тусклой коптилке продавцы отрезали талоны... Можно себе представить, сколько они крали лишних, обездоливая голодных!»⁵⁴ Но иногда в магазине не было ни лампы, ни свечи. В этом случае его вовсе запирали на замок и оставляли объявление «закрыто, света нет», как на снимке В. Г. Федосеева, сделанном 9 февраля 1942 г.⁵⁵ Это причиняло столько неудобств, что в феврале — марте 1942 г. «кое-где уже пораскрывали окна от всякой светомаскировки и защитных устройств»⁵⁶, как об этом свидетельствует другая фотография В. Г. Федосеева⁵⁷. Кроме того, деревянные заграждения у первых этажей разбирали на топливо.

Окна большинства комнат ленинградцев были из-за разбитых стекол заколочены или завешены. Поначалу дневной свет мог пробиваться сквозь щели, где сохранились стекла, но затем у людей не оставалось ни сил, ни желания на то, чтобы по утрам убирать светомаскировку. Вместо разбитых стекол, в том числе из-за холода, в окнах появлялись фанера и толстые картонные папки, одеяла, матрасы, подушки, которые должны были защитить от снега, ветра и холода. Жилища погружались в постоянную тьму. В короткие зимние дни дневной свет в лучшем случае проникал через оставшиеся целыми форточки. Ленинградцы были «обречены на целодневные потемки», «удручающую темноту», «средневековый мрак и смрад»⁵⁸. «Моя комната превратилась в какую-то звериную нору»⁵⁹. Именно тьма могла стать критическим обстоятельством: «Ни голод, ни холод, ни отсутствие воды... ни скученность жилья не могли окончательно парализовать жизнь. Отсутствие же света, крошечная темнота парализовали нас окончательно»⁶⁰.

Наиболее приемлемой альтернативой электрическому освещению мог быть свет керосиновой лампы. Однако для нее был нужен керосин, который поначалу блокадники приобретали по талонам. Осенью 1941 г. его получали совсем немного — пол-литра на месяц. С началом первой блокадной зимы керосина не стало. Лишь когда зимой 1941–1942 гг. по ледовой дороге через Ладожское озеро автомобилями в Ленинград было завезено 34717 т горюче-смазочных материалов, в феврале 1942 г. впервые за всю зиму блокадникам было вновь выдано по пол-литра керосина на человека⁶¹. Более регулярно горожан стали снабжать керосином по карточкам с марта 1942 г. Впрочем, этого количества явно не хватало, не случайно блокадники продолжали по очень высокой цене покупать и выменивать его на рынке.

Практика освещения жилищ осажденного города в условиях отсутствия электричества эволюционировала. Сначала блокадники использовали керосиновые лампы с бьющимся стеклом, которое, так же как керосин, надо было еще где-то достать. Затем освещали свои комнаты свечами, в том числе елочными, пока они были. Какой-то свет давала топившаяся печка. Когда ни керосина, ни свечей не оставалось, появились коптилки, которые еле заметным, слабым пламенем освещали совсем небольшое пространство и имели множество «модификаций». Возвращавшие ко временам Гражданской войны коптилки, «фигаринки» блокадники изготавливали сами, в том числе из банок, гильз от снарядов, флаконов из-под лекарств или духов, с фитилем из ваты и выдернутых из одежды ниток, у кого-то были иконные лампадки. В создании домашнего светильника из того, что было под рукой, ленинградец был очень изобретательным: «Крышка от банки из-под варенья заменила лампу. Шнур от гардины — фитиль, крышка от чайника приспособлена для регулирования пламени»⁶². Источником света становились просто фитильки, вставленные в бутылочку с горючим. Коптилки стали распространенным источником света в жилищах блокадников, хотя были не у всех и не всегда. Оправдывая свое название,

они больше коптели и пахли, чем светили, дрожащим пламенем озаряя лишь ближние предметы, оставляя углы комнаты темными и холодными. Но эти кустарные светильники позволяли ориентироваться в пространстве, не налетать на стулья, различать лица близких. Под этим тусклым светом ленинградцы готовили, лечили, читали, вели дневники, писали труды, рисовали, готовились к лекциям, урокам и т. д. «В школу дети приходили грязные, потому что копилки коптели»⁶³.

Для того чтобы использовать неэлектрические источники света, надо было приобретать для них горючее, что было проблемой. Заправляли их в лучшем случае керосином, но чаще сохранившейся дома олифой, скипидаром, лигроином, машинным, веретенным, репейным, камфарным, лампадным маслом, «духовитым средством для чистки деревянных полированных предметов», мастикой для натирания полов и т. п. Обнаружение дома такого «горючего» вызывало восторг и чувство обретенного богатства. Кому-то удавалось приобрести в аптеке белое масло или купить масло у монтеров «Ленэнерго», которые брали его из масляных выключателей, из трансформаторов⁶⁴. Кто-то мог принести лампадное масло из церкви.

Горючее для светильников, как и пищу, дрова, лекарства, табак и многое другое, можно было приобрести на рынке. В январе — феврале 1942 г. свеча, в зависимости от размеров и качества, стоила 5–50 руб.⁶⁵, хотя чаще свечи, керосин, как и многое другое, можно было приобрести только в обмен на еду или востребованные вещи. «Две хорошие свечи за 200 г хлеба»⁶⁶, «одна маленькая банка веретенного масла для освещения — 30 руб.»⁶⁷, «литр керосина — 100 руб.»⁶⁸. Причем рыночная цена керосина с течением времени не снижалась, хотя весной 1942 г. его стали продавать блокадникам по талонам. В октябре 1942 г. за 2 литра базарного керосина, цена которого могла зависеть от качества, надо было отдать полкило хлеба⁶⁹. «Дешевой свечи за 5 руб. хватало на полчаса, а от дешевого керосина (60 руб. литр) лампа гасла»⁷⁰. Здесь же на рынке приобретали весьма дефицитные спички, коробок которых стоил 8–15 руб.⁷¹

Когда горючего для копилки не оставалось вовсе, наступала очередь последнего «осветительного прибора» — лучины, которую порой приходилось держать в руке. Например, «чтобы пройти по длинному коридору коммунальной квартиры и не налететь в темноте на многочисленные столы, тазы и прочие предметы»⁷². Неосторожное использование лучины и печек-временок, особенно в январе 1942 г., приводило к многочисленным пожарам⁷³.

В сентябре 1942 г. по дну Ладожского озера был проложен высоковольтный кабель, и электроэнергия с восстановленной Волховской ГЭС стала поступать в Ленинград. Тогда очередь дошла до жилья. Ленинградцы мечтали о свете так же, как о пище, передавая слухи: «На октябрьские торжества дадут свет на 3 дня! Выдадут кофе, водку, изюм детям»⁷⁴. В соответствии с решением Военного совета Ленинградского фронта Управление Ленэнерго известило блокадников, что 6 и 7 ноября 1942 г. «в жилых домах города, за исключением части некоторых

районов, будет временно включено электрическое освещение». И оно в жилищах ленинградцев появилось. Правда, стало тревожно, когда свет вспыхнул в окнах комнат мертвецов: «...ведь они были не затемнены, а немец бомбил, и надо было срочно гасить свет в этих жилищах — взламывать двери, чтоб войти туда»⁷⁵.

В связи с небольшими энергетическими возможностями лимиты электроэнергии были «мизерные и очень жесткие». Ленинградцам разрешалось пользоваться лампами мощностью не более 25 Вт и категорически запрещалось, в том числе под угрозой огромного штрафа в 3 тыс. руб. включать какие-либо нагревательные приборы (электрические чайники, утюги, плитки и т. д.)⁷⁶.

Появление электрического света по-настоящему радовало. Причем если в ноябре 1942 г. лампочки в квартирах ленинградцев зажглись всего на 2 дня, то в декабре началось постепенное подключение домов к электросети на постоянной основе. Зимой 1942–1943 гг. на электрическое освещение было переведено до 3400 жилых зданий, т. е. около половины всего жилого фонда города того времени⁷⁷. Осенью 1943 г. электрический свет с наступлением темного времени включался в магазинах, столовых, парикмахерских, квартирах, возобновилось освещение лестниц и номерных знаков некоторых домов.

Между тем город продолжал оставаться в осаде, на него все так же падали бомбы и снаряды, а значит, должен был строго соблюдаться режим светомаскировки. На улицах было по-прежнему темно. Только от проходящих трамваев исходил слабый синий свет, иногда вспыхивали яркие искры на проводах, а ленинградцы ходили с фосфоресцирующими значками. На рисунке П. П. Григорянца ни в одном из окон домов на Невском проспекте ни огонька. Световые пятна на снегу исходят лишь от редких автомобилей и трамвая⁷⁸.

27 января 1944 г. блокада была полностью снята. В восемь часов вечера в Ленинграде прогремел салют. Впервые с 27 июня 1941 г. город был залит светом. «Первый раз за долгие два с половиной года мы увидели свой город вечером! Мы увидели его ослепительным, озаренным вплоть до последней трещины на стенах, весь в пробоинах, весь в слепых, зафанеренных окнах, — мы увидели, что он все так же прекрасен»⁷⁹. Однако и после торжества, согласно решению Ленгорисполкома от 29 января 1944 г., правила светомаскировки должны были неукоснительно соблюдаться⁸⁰. На литографии Ю. М. Непринцева освещенные светом фар автомобиля фигуры и лица людей в начале Невского проспекта, темный шпиль Адмиралтейства на фоне гаснущего неба, свет от трамвая и затемненные окна абсолютно всех домов⁸¹.

7 октября 1944 г. ленинградские улицы снова осветились. По решению Ленгорисполкома, «в темное время осенне-зимнего периода, на основных магистралях города, где имелась специальная электроосветительная маскировочная арматура, с наступлением темноты и до часа ночи включалось уличное освещение»⁸². После трех с половиной лет затемнений и светомаскировки центр города озарился электрическим светом. Требования «строгого соблюдения установленных правил светомаскировки» сохранялись⁸³.

В блокадном Ленинграде было смертельно голодно и холодно, тихо и темно. Воздействие постоянно преследовавшей темноты были удручающе болезненным и мучительным. Ленинградца, привыкшего к озаренным искусственным светом вечерам и ночам, темнота запирала в ограниченном пространстве, была опасной. Она мешала ориентироваться даже в знакомом месте, привычной обстановке, пугала, создавая неведомое, зыбкое, замкнутое пространство, в котором можно было двигаться только на ощупь. Находившийся в постоянной тьме человек испытывал обостренное одиночество. Одновременно восприятие темноты и света было двойственным. Свет мог нести гибель, а темнота — быть требованием выживания, но неожиданно она могла стать условием особенно явственного восприятия и постижения подлинного облика города. Электрический свет, вновь появившийся сначала в домах, а затем на улицах Ленинграда, обнадеживал, стал важным знаком возвращения к нормальности и гармонии.

- ¹ Барскова П. Черный свет: проблема темноты в блокадном Ленинграде // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 122–138; Яров С. В. 1) Свет и темнота блокадного Ленинграда: о записках Н. Дунаевской // Звезда. 2015. № 2. С. 143–147; 2) Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2018. С. 44–78; Мельникова Е. О. Жизнь треста «Ленсвет» // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. СПб., 2010. С. 93–102.
- ² 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 38.
- ³ Капица П. В море погасли огни. Блокадные дневники. М., 1974. С. 54.
- ⁴ Блэк А. Э. «Сумерки. Затемнение». 03.08.41 // Город над вольной Невой: блокадная графика А. Э. Блэка. М., 2016. С. 33; Блэк А. Э. «Ночь». 13.08.41 // Там же. С. 37.
- ⁵ Лелюхина С. Б. Воспоминания о блокаде // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-107. Оп. 6. Д. 7. Л. 28.
- ⁶ Бианки В. В. Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. СПб., 2005. С. 92.
- ⁷ Каганович Ю. Я. Блокадные воспоминания // Звезда. 1996. № 3. С. 182.
- ⁸ Шерстюк А. И. Воспоминания // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 8. СПб., 2021. С. 256.
- ⁹ Блэк А. Э. «Осветительная ракета». 08.12.41 // Город над вольной Невой. С. 180.
- ¹⁰ Воробьева Л. И. Воспоминания // Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. Петрозаводск, 2005. С. 76.
- ¹¹ Крайский А. П. Дневник // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. СПб., 2015. С. 61.
- ¹² Рубанчик Я. О. Как я ненавижу луну. 10 декабря 1941 г. // Рисуя блокаду. Дневник архитектора Я. О. Рубанчика. 1941–1944: альбом-каталог. СПб., 2019. С. 80.
- ¹³ Славянская Н. А. О войне // Такая разная война... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах: сборник. СПб., 2019. Вып. 8. С. 267.
- ¹⁴ Окраска ребер тротуаров для ориентировки ночью во время затемнения улиц. 15 октября 1941 г. Мицкевич М. А. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАКФФД СПб). Ар. 181922.
- ¹⁵ Рубанчик Я. О. «Шмуцлинии». Кончаются белые ночи! 2 сентября 1942 // Рисуя блокаду. С. 143.
- ¹⁶ Там же. С. 141.

- ¹⁷ Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. С. 44.
- ¹⁸ Владимиров И. А. «Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные заметки 1941–1944 гг. СПб., 2009. С. 58, 59.
- ¹⁹ Эльшиова Л. Л. Мы уходим... мы остаемся... // Нева. 2004. № 1. С. 205.
- ²⁰ Коц Е. «На мою долю выпал счастливый билет». Отрывки из воспоминаний // Исторический архив. 1999. № 3. С. 82.
- ²¹ «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011. С. 146.
- ²² Пантелеев А. И. В осажденном городе // Пантелеев А. И. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 130.
- ²³ Светлосанова И. А. Воспоминания // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014. С. 623, 624.
- ²⁴ Шиллинговский П. А. Из цикла «Осажденный город» (1941–1942). Государственный Русский музей // Виртуальная выставка «Да будет мерой чести Ленинград!» URL: https://rismuseumvr.m.ru/online_resources/art_gallery/75_let_snyatiya_blokadi_leningrada/index.php?show=asc&p=0&t=0&page=4&ps=20#slide-1
- ²⁵ Новиков В. С. Блокада снится мне ночами. Воспоминания. СПб., 2010.
- ²⁶ Блокадный дневник: живопись и графика блокадного времени: альбом-каталог. СПб., 2005. С. 141.
- ²⁷ Там же. С. 169.
- ²⁸ Там же. С. 175–177.
- ²⁹ Тихонов Н., Пахомов А. В те дни. Ленинградский альбом. М.; Л., 1946.
- ³⁰ Никольский А. С. Ленинградский альбом: Рисунки, гравюры, проекты военных лет. Л., 1984.
- ³¹ Рубанчик Я. О. Рисуя блокаду. Дневник архитектора Я. О. Рубанчика. СПб., 2019.
- ³² Рубанчик Я. О. Три бомбы на Апраксин двор. Сумерки. 6 часов вечера. 8 ноября 1941 г. // Там же. С. 66.
- ³³ Рубанчик Я. О. 1) Арфа сломана, аккорд еще рыдает... Февраль 1942 // Там же. С. 97; 2) На Мойке у Юсупова дворца. Февраль 1942 // Там же. С. 98.
- ³⁴ Рубанчик Я. О. 1) Все было мертво... 26 февраля 1942 // Рисуя блокаду. С. 94; 2) Лето 1943 года на Невском // Там же. С. 168; Успенский В. А. После налета. 1942. Государственный Русский музей // Виртуальная выставка «Да будет мерой чести Ленинград!»; Фитингоф Г. П. За водой. набросок на бытовую тему (1941) // Там же; Юдовин С. Б. Ленинград зимой 1941–1942 гг. Слушают сводки с фронта (1947) // Там же.
- ³⁵ Кетлинская В. Испытание // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 119, 120.
- ³⁶ Саговская С. Н. Незабываемые дни // Блокадная педагогика. СПб., 2022. С. 218.
- ³⁷ Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. С. 229.
- ³⁸ Назимов И. В. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 195.
- ³⁹ Казакова Т. Б. «Казалось, что Каменный остров раскалывается...» // Блокада глазами очевидцев. Кн. 4. СПб., 2017. С. 232.
- ⁴⁰ Самарин Н. Н. В окруженном Ленинграде. (Записки хирурга) // История Петербурга. 2011. № 4. С. 83.
- ⁴¹ Из дневников Павла Николаевича Лукницкого // Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких. М.; СПб., 2014. С. 247, 248.
- ⁴² Блэк А. Э. «Вечер». 06.11.41 // Город над вольной Невой. С. 138.
- ⁴³ Зимницкая Г. К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. СПб., 2012. С. 48.
- ⁴⁴ Бианки В. В. Лихолетье. С. 176, 177.
- ⁴⁵ Горайнова А. Н. Учителя были мужественными людьми // Такая разная война... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах: сборник. СПб., 2019. Вып. 5. С. 202.

- ⁴⁶ *Ржаксинский Ф. К.* Я ленинградец // Листки блокадного календаря. Л., 1988. С. 81.
- ⁴⁷ Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы. М., 2019. С. 648.
- ⁴⁸ *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 3: Январь 1943 — январь 1944. СПб., 2017. С. 56.
- ⁴⁹ *Вайнштейн В. Г.* Воспоминания // Блокада глазами очевидцев. Кн. 8. СПб., 2021. С. 113, 132, 133, 135, 141.
- ⁵⁰ *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Новейшая история России. 2013. № 2 (7). С. 57, 58.
- ⁵¹ *Зеленская И. Д.* Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2010. С. 81.
- ⁵² *Каргин Д. И.* Великое и трагическое. Ленинград 1941–1942. СПб., 2000. С. 141.
- ⁵³ *Фитингоф Г. П.* Сто граммов хлеба (1941). Государственный Русский музей // Виртуальная выставка «Да будет мерой чести Ленинград!».
- ⁵⁴ *Фрейденберг О. М.* Осада человека. // Минувшее: Исторический альманах. 3. М., 1991. С. 18.
- ⁵⁵ «Закрывается, света нет» (такое объявление часто встречалось на дверях многих магазинов и коммунальных предприятий). 9 февраля 1942 г. (*Федосеев В. Г.* // ЦГАКФФД СПб. Ар. 45838).
- ⁵⁶ *Зеленская И. Д.* Дневник. С. 81.
- ⁵⁷ Вид на витрины магазинов, освобожденные от щитов с песком из-за отсутствия электричества. 4 февраля 1942 г. (*Федосеев В. Г.* // ЦГАКФФД СПб. Ар. 181954).
- ⁵⁸ *Зеленская И. Д.* Дневник. С. 81; *Пантелеев А. И.* Из старых записных книжек // Пантелеев А. И. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4. Л., 1985. С. 358; *Неуструева И. Ю.* Воспоминания // Блокада глазами очевидцев. Кн. 7. СПб., 2019. С. 271.
- ⁵⁹ *Саямон Г. С.* Островки памяти: воспоминания. СПб., 2008. С. 11.
- ⁶⁰ *Каргин Д. И.* Великое и трагическое. С. 139.
- ⁶¹ *Шпак А. И.* Блокадная нефть // Нева. 1988. № 1. С. 141.
- ⁶² *Буянов А. М.* Дневник // Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах. М., 2021. С. 127.
- ⁶³ *Бириштейн Т. М.* Не только о блокаде // Школа жизни. Воспоминания детей блокадного Ленинграда. М., 2014. С. 36.
- ⁶⁴ *Гранин Д. А.* Как жили в блокаду // Звезда. 2014. № 1. С. 62.
- ⁶⁵ *Копплева М. С.* Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 368. Ед. хр. 2. Л. 21; *Черновский А. А.* Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 119. Л. 62, 64; *Кратт И. Ф.* «...так интересно жить!»: Блокадный дневник // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. СПб., 2015. С. 386; *Ползикова-Рубец К. В.* Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000. С. 35.
- ⁶⁶ *Черновский А. А.* Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 119. Л. 101.
- ⁶⁷ Там же. Л. 55.
- ⁶⁸ *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 148; *Островская С. К.* Блокадные дневники // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 10. СПб., 2006. С. 237.
- ⁶⁹ *Заболотская Л. К.* Дневник 23 августа 1942 года — 6 июня 1943 года // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 130.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Левина Э. Г.* Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 г. // Человек в блокаде. С. 148; *Черновский А. А.* Дневник. Л. 55.
- ⁷² *Соболевская Т. П.* Воспоминания // Кан Е. Л. Мы — из блокады. СПб., 2010. С. 65.
- ⁷³ См.: *Пянкевич В. Л.* «Это бедствие, пожалуй, хуже бомбежки»: Пожары блокадного Ленинграда в восприятии ленинградцев // Вопросы истории. 2020. № 12-2. С. 50–59.
- ⁷⁴ *Родштейн О. Н.* Дневник прилавка. 1940–1941. Блокада. 1941–1943. СПб., 2023. С. 100.
- ⁷⁵ *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 48, 49.

⁷⁶ 900 героических дней. С. 277.

⁷⁷ *Маиakov Н. А.* В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л., 1961. С. 134.

⁷⁸ *Григорьянц П. П.* На Невском проспекта (1943). Государственный Русский музей // Виртуальная выставка «Да будет мерой чести Ленинград!».

⁷⁹ *Берггольц О. Ф.* В Ленинграде тихо // Берггольц О.Ф. Собр. соч.: в 3 т. Л., 1989. Т. 2. С. 257.

⁸⁰ Бюллетень Исполнительного комитета Ленгорсовета депутатов трудящихся. 1944. 31 января. № 2 (558). С. 5.

⁸¹ *Непринцев Ю. М.* Затемнение в Ленинграде (1944) Государственный Русский музей // Виртуальная выставка «Да будет мерой чести Ленинград!».

⁸² Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1944. 16 октября. № 18. С. 6.

⁸³ Там же.

References

Barskova, P. Chernyi svet: problema temnoty v blokadnom Leningrade [Black Light: the Problem of Darkness in Besieged Leningrad. In Russ.]. In *Neprikosnovennyi zapas*. 2010. No. 2, pp. 122–138.

Ivanov, V. A. Leningradskii gorodskoi sud v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 [Leningrad City Court during the Great Patriotic War. 1941–1945. In Russ.]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. 2013. No. 2 (7), pp. 48–69.

Melnikova, E. O. Zhizn' tresta "Lensvet" [Life of the "Lensvet" Trust. In Russ.]. In Belozarov, B. P. (ed.). *Zhizn' i byt blokirovannogo Leningrada*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2010. P. 93–102.

Piankevich, V. L. "Eto bedstvie, pozhalui, huzhe bombzhki": Pozhary blokadnogo Leningrada v vospriyatii leningradtsev ["This Disaster is Perhaps Worse than the Bombing": Fires of Besieged Leningrad in the Perception of Leningraders. In Russ.]. In *Voprosy istorii*. 2020. No. 12–2, pp. 50–59.

Sobolev, G. L. *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga tret'ya: yanvar' 1943 – yanvar' 1944* [Leningrad in the Struggle for Survival during the Blockade. Book Three: January 1943 – January 1944. In Russ.]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University, 2017. 748 p.

Yarov, S. V. *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Everyday Life of Besieged Leningrad. In Russ.]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2018. 313 p.

Yarov, S. V. Svet i temnota blokadnogo Leningrada: o zapiskakh N. Dunaevskoi [Light and Darkness of Besieged Leningrad: about the Notes of N. Dunaevskaya. In Russ.]. In *Zvezda*. 2015. No. 2, pp. 143–147.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. Л. Пянкевич. Свет и темнота в блокадном Ленинграде // *Петербургский исторический журнал*. 2025. № 3. С. 198–211

Аннотация: В рамках исследования чувственного опыта войны и блокады в статье предлагается попытка анализа сенсорных впечатлений, опыт длительного пребывания жителей осажденного Ленинграда в условиях темноты, восприятие и отражение света и тьмы в письменных и визуальных источниках. Среди них свидетельства военного и блокадного времени: дневники, письма, нормативные документы органов государственной власти и управления, произведения художников, архитекторов, фотографов, а также стенограммы устных свидетельств, собранные вскоре после блокады и войны, интервью и воспоминания горожан более позднего времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, городское пространство, восприятие, историческая память, свет, темнота.

FOR CITATION

V. L. Piankevich. Light and Darkness in Besieged Leningrad // *Petersburg Historical Journal*, no. 3, 2025, pp. 198–211

Abstract: As part of the study of the sensory experience of war and blockade, the article attempts to analyze sensory impressions, the experience of residents of besieged Leningrad staying in conditions of darkness for a long time, the perception and reflection of light and darkness in written and visual sources. Among them are testimonies from the war and blockade time: diaries, letters, regulatory documents of state authorities and administration, works of artists, architects, photographers, as well as transcripts of oral testimonies collected shortly after the blockade and the war, interviews and memories of city residents of a later time.

Key words: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, urban space, perception, historical memory, light, dark.

Автор: Пянкевич, Владимир Леонидович — д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Piankevich, Vladimir Leonidovich — Dr. of Sci. in History, Professor at St. Petersburg State University; Leading Researcher at St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: v-pyankevich@yandex.ru